

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5629042>

Somewhere over the rainbow

Направленность: Гет

Автор: [Tar_Sher](https://ficbook.net/authors/69723) (<https://ficbook.net/authors/69723>)

Соавторы: [Тиа Найло](https://ficbook.net/authors/619384) (<https://ficbook.net/authors/619384>)

Фэндом: Волков Александр «Волшебник Изумрудного города»

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, Фэнтези, Психология, AU

Предупреждения: ООС, ОМП, ОЖП, Смена сущности

Размер: планируется Макси, написано 12 страниц

Кол-во частей: 3

Статус: в процессе

Описание:

Somewhere over the rainbow

Skies are blue

And the dreams that you dare to dream

Really do come true.

Someday I'll wish upon a star

And wake up where the clouds are far behind me.

Where troubles melt like lemon drops

Away above the chimney tops

That's where you'll find me...

Посвящение:

Продолжение к работе

<https://ficbook.net/readfic/4260019>

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Все еще Элли	3
Примечание к части	7
Во благо	8
Письмо	11

Все еще Элли

*When the hope of morning starts to fade in me
I don't dare let darkness have its way with me
And the hope of morning makes me worth the fight
I will not be giving in tonight...*

Волшебная страна - край, где нет места взрослым ужасам и где мечты должны становиться явью. Так считает каждый, кто когда-то был ребенком и читал тайком от родителей ночью сказки, прячась с книгой и фонарем под одеялом. Я не была исключением. Даже побывав в ней однажды, я все еще верила, что это место - мой маленький островок без бед и тревог, что навсегда останется в моем сердце. Я - Элли. Элли Смит, фея убивающего домика, спасительница волшебной страны и... Просто неудачница. Если вам когда-нибудь скажут, что после черной полосы в жизни наступит белая - не верьте. Просто ваша черная полоса еще не достаточно черна. Дальше будет гораздо хуже.

Дом был старым, обветшалым и, казалось, еще более заброшенным, чем раньше. Старый скрипучий диван все еще стоял в захлавленной гостиной. Домик людоеда пустовал, но все еще держался, не планируя разваливаться на куски. Покинутый и не жилой, со слепыми, покрытыми пылью стеклами окон, он по прежнему был идеальным убежищем. Никто не заглядывал сюда и не стал бы искать здесь бывшего короля Изумрудного города. Тишина в запыленной гостиной нарушалась только шумом дождя, разразившегося снаружи, и перестуком капель о пол. Крыша обветшалого дома все же начала протекать, что и не удивительно - в конце концов, отремонтировать его некому. Инграм устало опустился на диван, глядя в серое марево ливня за окном. Арбалет с легким стуком лег на покосившуюся тумбу рядом в пределах досягаемости на случай, если кто-то все же решит проверить заброшенное строение. Раненое плечо отозвалось резкой болью, стоило лишь неловко откинуться на спинку дивана и мужчина, скрипнув зубами, побледнел, давя глухой стон. Будет плохо, если кто-то вломится в его временное убежище и найдет его совершенно беспомощным. Нужно было бы перевязать рану, осмотреть ее, промыть, но он устал. Устал и замерз настолько, что глаза закрывались сами.

Черные отросшие волосы намokли от дождя, упрямо стучащего в запыленные окна. Веки тяжелели, но он прекрасно понимал, что нужно обработать рану. Нужно... Темнота заволочла сознание и молодой охотник в кожаной куртке, покрытой кровью и грязью, обмяк, откинувшись на спинку дивана, погружаясь в тяжелое беспамятство. Эти полгода стали настоящим адом. Адом, в котором не было ни малейшего шанса на проблеск надежды. Начиная с того, что фиолетовая и розовая страна, наконец, перешли к открытым военным действиям и заканчивая тем, что от Элли все так же не было вестей. И все это время Король Изумрудного города хранил в своей памяти тот злосчастный день, из раза в раз прокручивая в голове ее последние слова.

Просто верь мне, ладно? Я никогда не стану обманывать тебя...

Он верил. Все еще верил, но никак не мог понять, куда она пропала.

Он не забывал. Не смог бы забыть никогда. Каждый день, глядя на понурого курчавого черного пса он вспоминал о ней. Он вспоминал ее голос и ее смех... И это причиняло боль. Впрочем, сейчас он ее почти не чувствовал. Левый бок занемел. Это был дурной знак, вот только сил пошевелиться тоже не было. Мысли путались и превращались в ровное серое марево, увлекая куда-то в черноту, заполненную тишиной...

Это оказалось не легко. Добраться из страны Подземных Рудокопов к перевалочному пункту, где ее должны будут подобрать. Вода забвения во фляжке у пояса плескалась, слегка оттягивая плотный кожаный ремень. Не зря тогда, в тюрьме, она расспросила о ней. Эта вода еще сыграет свою роль. Во всяком случае, она ей точно пригодится в особо экстренных случаях. Впрочем, было довольно занятно слушать объяснения зрителя о дозировках и мерах предосторожности. В конце концов, если переборщить - можно не просто схлопотать полноценную амнезию, а вовсе погрузить человека в довольно долгую кому... Вот только в ее флягу такого количества этой самой воды просто не влезло бы. Всего-то чуть больше литра. Ради пробы и экспериментов Элпис.

Девушка надвинула на голову капюшон и, прячась от дождя, тяжело вздохнула, когда среди зарослей показался обветшалый дом. С ним было связано много воспоминаний. И не все они были приятными. Однако, пожалуй, именно здесь ее вряд ли кто-то станет искать. Вряд ли кому-то взбредет в голову, что пропавшая пол года назад Фея Убивающего Домика может находиться на условно нейтральной территории, да еще и вполне живая и здоровая. Сколько раз она порывалась отправить весточку своим оставшимся в Розовом дворце друзьям? Сколько раз ей хотелось вернуться? Она сбилась со счета. Но, впрочем, ради их же безопасности, она не могла так рисковать. Если бы ребятам стало известно, что Элли цела и невредима, что ее не похитили, как они, скорее всего, думают, Инграм непременно натворил бы глупостей. И даже Клем не смог бы его остановить. Сердце болезненно сжалось при одной только мысли о голубоглазом короле. Она бы дорого дала за то, чтобы увидеть его еще раз. Хотя бы взять за руку или... просто посидеть рядом. Впрочем, за эти пол года у нее особенно не было времени думать о чем-то, кроме того, как пережить еще один день. Ей не было легко. Ей не было спокойно. Каждый ее день был превращен в жесткую тренировку на прочность силы воли и на прочность ее собственного тела...

Пожалуй, теперь, она худо бедно могла постоять за себя. Пусть, конечно, до ее учителей ей было далеко, но, как показала практика, в бою с тренированным противником, она хотя бы сможет защититься и потянуть время до того, как ей на подмогу придет тот, кто сможет ее защитить...

Губы растянулись в кривой улыбке. Теперь ее защитой занимался рыжий, вечно сонный... условно мертвый Ричард. Бывший Смелый Лев, ныне же - единственный человек, которому она верила, как себе. В конце концов, он оказался прав и поговорить с Элпис и ее братом стоило... не то, чтобы ей понравились эти двое. Не то, чтобы она до конца смогла простить их... Но сумела понять. И сумела увидеть, почему волшебники поступают так, а не иначе. Не сказать, что их мотивы ей нравились, но у них были неоспоримые доказательства того, кто в действительности является причиной этой всей трагедии. Наверное поэтому девушка все это время оставалась с ними. Да еще и из-за обещания помочь тем, кто остался в Розовом дворце.

Мокрая грязь хлюпала под подошвами ботинок. Элли даже пришлось вытереть ее о ступени старенького теперь уже чуть трухлявого деревянного крыльца. Девушка совсем

было собралась войти в дом, когда взгляд ее зацепился за бурые разводы на потемневшем дереве, слегка размытые водой. И грязные следы от чьей-то обуви. Если бы не это - приоткрытая дверь дома не вызвала бы такого беспокойства. Смит рефлексивно вытянула из узких ножен длинный широкий кинжал и, как можно тише, постаралась открыть дверь. К полумраку глаза привыкли не сразу. Следы крови были на полу и вели в сторону старого дивана, на котором угадывался чей-то темный силуэт. Человек не шелохнулся, словно не заметил ее и, кажется, был без сознания.

Безумно захотелось сбежать, потому что в ноздри ударил запах крови... Тот самый запах, которого Элли все еще боялась, как огня. Вот только ноги сами понесли ее к злосчастному дивану по следам из грязи и крови на пыльном полу. Она даже закрыла за собой дверь, стараясь не шуметь, двигаясь в полумраке, словно могла разбудить не шевелящегося на диване... покойника? Раненого? Кем бы ни был человек, замерший на диване, Элли слышала его тяжелое дыхание. И понимала, что он смутно ей знаком... Безумно хотелось верить, что глаза ее обманывают и всему виной слишком долгая разлука... Вот только, когда она остановилась в одном шаге от дивана, с губ сорвался едва слышный испуганный вздох. Сердце сжалось болезненной нежностью и тревогой. Инграм. Ее Инграм. Такой бледный, осунувшийся, похудевший... Сказать, что ей было страшно, значит ничего не сказать. Она смутно помнила в последствии, как ощупывала его шею в поисках пульса, как стаскивала с плеч мокрую куртку и рвала прилипшую к телу и пропитавшуюся кровью рубашку... Помнила, хоть и с трудом, что порадовалась тому, что не задета кость и плечо будет нормально функционировать... Она, конечно, не волшебница. Элпис бы с этим справилась лучше. Элли сама видела, как Элпис, почти что щелчком пальцев, способна залечить любую рану. Вот только у Элли магии не было. И потому полагаться приходилось лишь на собственные силы и знания. И на удачу. Она точно знала, что у Инграма почти всегда есть с собой что-то вроде походной аптечки. Рыться в чужих вещах, конечно, не хорошо и, в то же время, ситуация безвыходная. Девушка бесцеремонно вытрясла на пол содержимое его сумки. К счастью, бывший король не обманул ее ожиданий. Небольшой мешочек, уже знакомый ей еще с первой встречи, нашелся среди нехитрого походного скарба довольно быстро. Элли выудила из него бинт, фляжку с чем-то явно высокоградусным, поразившись, попутно, что такое вообще есть в его сумке, и принялась за работу.

Правда, стоило лишь взяться за обработку раны, как следопыт со стоном дернулся и открыл глаза. Мутный, подернутый дымкой боли взгляд с трудом сфокусировался на ее лице и несколько секунд следопыт молчал, глядя на то, как Элли довольно ловко промакивает онемевшее плечо куском бинта, смывая кровь и обрабатывая едучим спиртом. Слабость все еще волнами окутывала тело, сил хватило только на то, чтобы болезненно зашипеть, перехватывая ее запястье здоровой рукой, когда девушка, дрогнув, неосторожно слишком сильно прижала ткань к ране.

В то же мгновение пузырь неестественной тишины, нарушаемой лишь перестуком капель дождя за пыльным мутным окном, лопнул.

- Осторожнее, - голос прозвучал хрипло и слабо. Впрочем, это было неудивительно. Инграм смотрел на сидящую подле него девушку, нервно кусающую губы и не мог понять - реальность ли это или бред его помутившегося сознания. Однако, даже если это бред - он был на него согласен. Вполне согласен, - Мягче, пожалуйста...

Смит чувствовала себя неловко. Странно и виновато одновременно. Было бы намного проще, если бы он так и не открывал глаза, если бы в этих глазах не было такой непривычной пустоты. Она, эта пустота, гнездилась там вместе с недоверием и усталостью. А ведь она помнила совсем другое их выражение. Пол года назад Инграм

смотрел на нее так, словно она была всем его миром. Или, как минимум, центром этого самого мира. И она ушла.

Пальцы бывшего короля дрогнули и разжались, отпуская ее запястье. Девушка молча кивнула, отводя взгляд и возвращая все внимание своему не самому простому занятию. Нужно было занять себя чем угодно, но только не смотреть ему в глаза. Сказать она тоже ничего не могла, потому что не знала, что еще она может сказать, кроме простого и такого нелепого: "прости". Прощение. Если бы она могла на него рассчитывать. В конце концов, это ведь она виновата в том, что сейчас он смотрит на нее и молчит так же, как и она сама, словно и не было того признания, словно они совершенно чужие. Будто бы все с нуля, но, кажется, еще хуже. Шить Смит не решилась. В конце концов, иглы у нее подходящей не было, а надеяться, что она найдется здесь - бессмысленно. Потому ограничилась тугой повязкой вместе с пахучей травяной мазью. О, за эти пол года она научилась разбираться в местной медицине. Не так хорошо, как хотелось бы, но вполне могла позаботиться о себе. Иногда в этом была необходимость, и пара свежих шрамов на плече и спине, добавившихся к тому, что все еще наблюдался белесым пятном на животе.

- Ты, - наконец снова заговорил следопыт, пристально всматриваясь в ее лицо, будто пытаюсь понять, что у нее творится в голове. Вот только понять это было бы непросто.

- Я, - кивнула Элли, все так же не поднимая глаз на него. Было неловко. Настолько неловко и, в то же время, она ощущала давно забытое ею спокойствие. Рядом с ним было уютно и безопасно... кажется, это впиталось на уровне подсознания. Что еще ответить она не знала. Хотелось сказать так много и... одновременно с этим Элли понимала - нельзя. Хотелось единомоментно умолять его простить ее за тот побег и забыть что он вообще ее видел сейчас. Сбежать и схватить его как можно крепче, чтобы никогда не отпускать. Слишком много противоречивых эмоций и слишком не подходящие обстоятельства.

И Элли молча сидела рядом, неторопливо упаковывая в его походную сумку распотрошенную аптечку и его же вещи, буквально всем телом ощущая тяжелый пристальный взгляд, от которого все ее нутро переворачивалось и буквально пылало.

- Я искал тебя, - холодные пальцы легли поверх ее ладони, заставляя вздрогнуть и, наконец, посмотреть Инграму в глаза. Кажется, она никогда не избавится от этого. Никогда не сможет простить себя за то, что в который раз становится причиной его боли. А, что еще хуже, она понимала, что это не в последний раз. Разве может быть что-то глупее? Девочка из другого мира, которая полюбила сказочного короля. Элли горько улыбнулась и тихо вздохнула, почти рефлексивно перехватывая его холодную ладонь и согревая ее в своей.

- Я знаю, - кажется, это прозвучало весьма жалко. Элли качнула головой, мысленно укоряя себя за то, что не нашла ничего лучшего, чтобы сказать.

- Я перевернул вверх дном весь город, - пальцы следопыта сжались, - Но тебя не было. Я боялся, что ты погибла. Что на тебя напали. Я едва не сошел с ума... Но вот она ты. Здесь. Именно сейчас.

Инграм чувствовал, что это не те слова, которые стоило бы сказать сейчас, но не получалось сказать что-то еще. Не получалось поблагодарить за своевременную помощь. Не моглось, потому что обида и боль, которые копились все это время, искали выхода. Где-то в глубине души он понимал, что вернее всего было бы прямо сейчас обнять ее покрепче и не отпускать больше никогда, но сил на это просто не было.

- Прости, - слово сорвалось прежде, чем она сумела осознать всю его нелепость. Потому что потом последовал вопрос, которого она боялась больше всего:

- За что именно ты просишь прощения?

Слова прозвучали резко, словно хлесткая пощечина, зазвеневшая в тишине. И Элли поняла, что не знает, за что же она хочет извиниться. Если и просить прощения, то... за все. Голубые глаза на осунувшемся бледном, но таком любимом лице смотрели на нее с болью. Тишина давила, сминала остатки воли и решимости, несмотря на то, что голос рассудка настойчиво советовал ей убраться отсюда как можно скорее, предварительно напоив ослабленного короля усыпительной водой, но Элли не двигалась с места, глядя на него широко распахнутыми глазами.

- За что... - повторила она растерянно и вновь закусил губу, пытаясь подобрать слова. Но те предательски застревали в горле, не давая издать и звука под пристальным тяжелым взглядом.

- За что? - повторил Инграм, прикрывая глаза и глядя на нее из под полуопущенных ресниц. Несколько долгих мгновений Элли молчала, все так же не отпуская его руку, а потом, словно собравшись с духом, нахмурилась и, набрав в грудь по больше воздуха, решительно качнула головой.

- Я не могу попросить у тебя прощения за что-то одно, - серьезно произнесла девушка, придвигаясь ближе, - У меня не хватит на это слов, - она с содроганием заметила, как в голубых глазах буквально проступило разочарование от ее слов. Стиснув зубы, Элли повторила:

- Да, у меня не хватит слов на это. Но есть то, что я могу сделать, чтобы донести до тебя все, что я хотела бы, но не могу облечь в слова, - голос предательски дрогнул и Элли зажмурилась, боясь передумать, резко подалась вперед, лишая изумленного Инграма сразу же возможности возразить, а себя - возможности передумать. Не все можно сказать словами. Так ей сказала Элпис. И Смит была склонна ей верить. В конце концов, у ведьмы в этом был богатый опыт. Впрочем, если бы повелительница теней знала, как девушка интерпретирует ее слова, наверняка бы посмеялась и предложила с тем же успехом поцеловать памятник. И тот, наверное, был бы менее напряжен и скован, чем полулежащий на диване Инграм. Несмотря на все вложенные в это простое прикосновение чувства, всю ту щемящую нежность, что, казалось, вот вот разорвет ее изнутри, он просто казался застывшим изваянием, которое едва ли было способно хотя бы дышать. И лишь когда бывшая фея убивающего домика подалась назад, уже не рассчитывая, что услышит от него еще хоть слово, холодная ладонь властно легла на ее затылок, не позволяя отстраниться. Элли судорожно вздохнула, открывая глаза и встречаясь с его взглядом, в котором, пополам с болью от растревоженной раны, плескалось что-то незнакомое, будто бы давящее и лишаящее воли и желания шевелиться. Она запоздало на грани сознания отметила, как он побледнел и как закусил губу от прострелившей раненое плечо вспышки боли, когда попыталась отстраниться. Но он не дал ей и шанса отпрянуть, лишь стиснув зубы, потянул на себя.

- Извинения приняты, но мне их не хватило, - глядя прямо в ее распахнувшиеся от изумления и неожиданности глаза прохрипел Инграм, увлекая Элли за собой на диван, с которого с жалобным стуком соскользнула его сумка и жестяная фляжка с усыпительной водой. Пожалуй, в этот момент Элли была благодарна Элпис за то, что однажды ведьма пояснила ей одну не хитрую истину: чем больше целуешься, тем меньше говоришь глупостей. И, прежде, чем мысли резко улетучились из головы, девушка даже успела подумать о том, что стоило бы поблагодарить ведьму, вернувшись в замок.

Примечание к части

Во благо

*Обнимай меня, как не обнимала,
Сердце рвется из пустоты,
Обнимай меня, нам еще не мало
В жизни выпить горькой воды...*

Проснулся он от того, что замерз. Сонно потирая глаза и соображая, где, собственно, теплое одеяло и почему так холодно, следопыт попытался встать с дивана. Попытка, надо сказать, обернулась неудачей. Левое плечо прострелило вспышкой боли и бывший король со стоном рухнул обратно. Несколько секунд потребовалось, чтобы перевести дыхание и осторожно ощупать туго наложенный бинт, а также сообразить, где именно он находится.

Дом людоеда был удручающе пуст, как и всегда. Ни души. На мгновение следопыту показалось, что здесь, будто бы, должен быть кто-то еще, но он быстро отбросил эту мысль, задавшись совсем иным вопросом - он не мог вспомнить, как оказался здесь. Совершенно. И это было странно. Можно было бы подумать, что потерял сознание, но кто тогда перевязал рану и кто приволок его сюда?

Инграм не был дураком и понимал, что просто так провалы в памяти не случаются. Они, как правило, влекут за собой неприятности... Этого бы ему не хотелось. Каково же было его удивление, когда взгляд его зацепился за белый лист бумаги, пристроившийся прямо на его походной сумке и сложенный пополам. Он не помнил ни того, как поставил сумку у обветшалого стола, ни того, чтобы оставлял записок, но почерк... Почерк оказался его собственным. На листке размашисто было написано его собственной рукой: "не пытайся вспомнить. Это тебе же во благо."

Инграм так и остался стоять с посланием самому себе, гадая, что же такого он забыл, что предупреждал самого себя? Он не собирался оставить это просто так. Но и, судя по его собственному письму, копаться в этом было не безопасно. Наверняка стоит чуть подождать, прежде, чем он сумеет восстановить достоверный ход событий. Что-то произошло с ним. Пока это все, что он может сказать с определенностью. Что бы не случилось здесь, ему не стоит задерживаться в доме Людоеда. Такое решение принял Инграм и, собравшись с духом, принялся собираться.

Сборы не заняли много времени, как и беглый осмотр порванной на плече куртки... Или, скорее уж, пробитой? Было и еще одно но. Следы. Следы от сапог еще, как минимум, двух человек. Одни по меньше, чем его собственные, легкие, узкие, и другие. Он бы спутал их со своими собственными, если б не то, что человек, кажется, слегка косолапил на левую ногу. Что ж, нужно было обеспокоиться этим фактом, но, как ни странно, он жив, цел, даже подлечен, а его спасители решили остаться неизвестными... Было странным еще и то, что он чувствовал себя совершенно иначе... Так, как уже давно не ощущал себя. Вместо привычной сосущей пустоты в груди поселилось спокойствие и... надежда? Кажется, именно она. Вот только слишком смутной и не ясной она казалась, чтобы он мог понять, чем именно вызвано такое его состояние. Возможно, все же, то что произошло, было не так уж плохо, несмотря на дырку в плече?

Дорога до Розовой Страны не самая близкая и безопасная. И, если он хочет по быстрее добраться до дома, стоит выдвигаться немедленно. Следопыт подобрал с пола свою сумку, прихватил арбалет и, надвинув шляпу на глаза, поднял воротник куртки. Дверь со скрипом открылась, выпуская его в промозглое осеннее утро.

Записку, которую он написал сам себе, Инграм предпочел сжечь, а о потере памяти

молчать. Он не был дураком и прекрасно понимал одну очевидную вещь - сам себя он бы не стал обманывать. Это было так же ясно, как и то, что в доме помимо него было еще двое людей. Строить догадки о том, кто это мог быть, он не хотел. Если он что-то и понял из этого утра, так это то, что вокруг него что-то происходит и он узнал что-то очень важное, чего никому нельзя рассказывать. И, похоже, что он доверяет тому, кто это рассказал. А круг лиц, которых он может причислить к доверенным, весьма узок. Значит придется ждать и внимательно наблюдать.

Вообще, первой персоной, заслуживающей пристального внимания был Гектор. Глава службы дворцовой безопасности оказался неплохим организатором, что играло на пользу сопротивлению. Он даже сумел организовать из разномастной толпы, нашедшей приют в Розовой Стране, почти нормальное войско. Разумеется, ему с этим помог и Гудвин и Клем, поучаствовал даже сам Инграм. Но гораздо больше зависело от самих людей. От их желания защитить свой дом. Впрочем, развед отряды организовывал не только он. Противоборствующая сторона тоже занималась подобным.

Своих новых попутчиков он встретил уже почти к ночи. По чистой случайности, когда огибал Маковое поле. Возможно, сказалась усталость и ранение, но тихих шагов за спиной бывший король не услышал. Понял, что не один, только услышав хрипловатый голос:

- Бросай арбалет и медленно подними руки вверх, - в спину уперлось что-то довольно острое, - И без глупостей. Иначе я в тебе мигом проделаю дырку.

Он мог бы попытаться сопротивляться, но краем глаза уловил еще пару теней, поднявшихся из зарослей. Пожалуй, не стоило сворачивать к Маковому полю. Не стоило. Худшим из всего этого было то, что Инграм не мог сходу определить, кто именно встретил его в темноте у памятного места. Раненое плечо тоже не придавало энтузиазма. Пожалуй, именно по этому он принял решение временно сдаться. Уже потом, если это окажется вражеский разъезд, он что-нибудь придумает. Всегда придумывал, справится и в этот раз. Арбалет с легким стуком упал в траву, туда же была отправлена сумка. Инграм молча, стараясь не делать резких движений, поднял руки.

- Хорошо... Давай, Дайна, твой выход, - произнес тот же голос и, когда следопыт уже хотел обернуться, чтобы посмотреть, с кем его свел случай, горизонт резко взорвался снопом ярких праздничных искр, а за тем погас, уплывая куда-то вверх и в сторону...

- Ты думаешь, это было правильным выбором? - Ричард шел рядом, подбрасывая на ладони флягу, наполненную усыпительной водой, - Он ведь ничего не вспомнит, хоть и будет пытаться, - бывший Царь Зверей смотрел на девушку хитро и чуть щурясь, - Не вспомнит ни того, что простил тебя, ни того, что ты ему рассказала.

- Но я-то буду помнить, значит все в порядке, - возразила девушка, глядя вперед и даже не реагируя на его подначку. Только щеки предательски заалели при одном лишь воспоминании о том, как именно ее "простили". На губах все еще ощущался след прикосновения. И это согревало душу и придавало сил. Она прощена. И пусть помнит только она, это не важно. Она сможет заставить его поверить ей еще раз. В конце концов, ей, хотя бы, стало легче.

- Может, конечно, ты и права, - хитро прищурился Смелый Лев, - Я даже сделаю вид, что не понимаю о чем ты, - подначил он, обрасывая длинную рыжую челку назад, - Надеюсь, скоро мы сможем открыть ему правду уже по настоящему, - задумчиво добавил бывший Царь Зверей.

Элли только молча кивнула, чувствуя, как полыхают от смущения уши. Сердце трепетало и пело в груди. Ее любят. Все еще любят и вряд ли это изменится. Она чувствовала себя

одновременно и бесконечно счастливой и совершенно несчастной. И все из-за одного голубоглазого короля. Подумать только, как мало нужно для того, чтобы ощутить душевный подъем.

- Он справится. В конце концов, он сам выбрал выпить ее, - пальцы огладили холодную сталь фляжки. Дозировка должна была сработать правильно. Наверняка сейчас Инграм уже проснулся и гадает, что произошло. И никто не сможет ответить на его вопросы. Ей очень хотелось вернуться за ним, но нельзя. Время еще не пришло. Нужно сначала разобраться со Стеллой и ее кознями, не подвергая опасности ребят. И это казалось самым трудным во всей этой ситуации. Столько разных нельзя окружают Элли теперь. Нельзя видаться с Инграмом, нельзя рассказывать ему, нельзя писать письма. Нельзя забрать Тототу, нельзя встречаться с Клемом, нельзя даже намекнуть, что с ней все хорошо. Нельзя дать Стелле узнать где она. Нарушь любое из этих нельзя и все обернется трагедией. Но одного ей никто не запретит. Не запретят ей любить. А любого попытавшегося она сотрет в порошок.

- Пришли, - Ричард вытолкнул из прибрежных зарослей лодку, - Отправляемся напрямиком в Фиолетовый замок, - он со смешком уселся в лодчонку, помог Элли забраться и налег на весла, отчаливая от берега.

Течение в реке, как и всегда, было очень сильным. И Элли очень надеялась, что оно быстро доставит их на место. Иначе слишком велик был соблазн вернуться и проверить - как там ее голубоглазый король. Неясное беспокойство заставляло то и дело оглядываться на стремительно удаляющийся берег, и Элли не знала, чем это объяснить.

Письмо

This is me for forever
One of the lost ones
The one without a name
Without an honest heart as compass

This is me for forever
One without a name
These lines the last endeavor
To find the missing lifeline...

Дни текут один за другим, унося прочь прожитое время, словно вода, ускользая сквозь пальцы. Волшебная страна никогда больше не станет прежней. Кто бы мог подумать, что к этому все придет? Кто мог предугадать, что именно так все обернется еще тогда, когда каблучки серебряных башмаков стучали по желтому кирпичу? Кто мог знать, что дорога все же приведет их временную владелицу спустя столько лет в Фиолетовый замок не как пленницу, но как... друга? Союзника?

Сизый дым кольцами поднимался к потолку, заполняя комнату сладковатым запахом курительной смеси. Черноволосая женщина, облаченная в шелковое платье, расшитое птичьими перьями возлежала на диване, усыпанном подушками, и курила кальян, томно прикрывая глаза и пуская дымные колечки сложенными в трубочку губами. Она пребывала в глубокой задумчивости. И, судя по тонкой складочке, пролегшей меж ее бровей, мысли посещали ее не самые радужные. Все, происходящее снаружи - ее рук дело и ее брата. И это не самое лучшее, разумеется, во всей этой истории.

Брат. Волшебница бережно коснулась щеки самого дорогого ей человека. Светлые волосы рассыпалась по подушке. Нэбиус спал, как и всегда, неподвижно и даже не среагировал на ее прикосновение. Должно быть, вновь выпил свое сонное зелье. Для нее не было секретом, что, в доверок ко всему, ее брат получил пророческие сны, которые имеют обыкновение сбываться. Не было секретом и то, что когда эти сны приходили к нему, он терял над своей магией контроль и представлял опасность как для него так и для тех, кто рядом.. Потому и начал принимать сонные отвары, чтобы лишиться себя даже возможности навредить кому-то.

- Упрямец, - прошептала волшебница, в который раз рассматривая расслабленное во сне лицо. Он красив и отрицать это было бы глупо. Настолько же красив, насколько талантлив. У него длинные ресницы. Такие, что в детстве она сама ему страшно завидовала и обзывала девчонкой. У него яркие синие глаза, такие живые и такие глубокие. Взгляд его цепок и кажется, будто бы он проникает куда-то гораздо глубже, чем хотелось бы показать. Она знает, что когда Нэбиус улыбается, на его левой щеке, едва заметная, появляется ямочка. И ей страшно нравится, что знает это только она.

- Что же ты видишь во снах? - тонкие женские пальцы запутываются в золотистых волосах и волшебница качает головой. Даже если бы она хотела знать, не стала бы спрашивать, пока он бодрствует. Не стоит знать, что тебя ждет. Это принесет только печаль. И это подтверждает морщинка, залегшая меж бровей волшебника. Он так часто хмурится. В его взгляде так часто скользит беспокойство, что невольно ей и самой делается тревожно. Нэбиус говорит, что будущее не стабильно. Что оно может измениться каждое мгновение и чтобы получить именно то будущее, которое нужно им,

он должен молчать. И Элпис не задает вопросов. Брату виднее.

Кальян гаснет и волшебница прикрывает глаза, сама поддаваясь сонной неге. Элли должна вернуться еще не скоро, а если что-то случится - вороны разбудят ее. Она может, в конце концов, позволить себе отдых...

Бережно поправляя покрывало, которым укрылся брат, волшебница взмахом руки заставляет курительные принадлежности исчезнуть, а затем устраивается под боком у спящего волшебника по уютнее, обнимая и утыкаясь в плечо лицом. В конце концов, ей тоже не помешает отдых...

Он проснулся от ноющей боли в груди. Дышать было тяжело, словно кто-то сунул руки меж его ребер и сжал сердце и легкие липкими холодными пальцами. Волшебник с трудом разлепил веки. Комнату уже наполнил полуночный мрак и на подоконнике сидел, нахохлившись, большой черный ворон, поблескивая стальным клювом в тусклом свете магической сферы, висящей под потолком и заливающей комнату мертвенно-зеленым светом. В тишине было слышно только то, как птица поскрипывает коготками по деревянному подоконнику и как едва слышно дышит рядом сестра. Нэбиус с трудом заставил себя сесть. Голова кружилась и болела. Но он совершенно точно знал, что делать. Точнее, он прекрасно понимал, что пришла пора от наблюдения перейти к вмешательству. Ведь, если он продолжит просто подгонять свои видения под наиболее выгодные ему результаты развития событий, все они приведут его в один нелицеприятный конец. Сегодня он понял это четче некуда.

Бросив взгляд на спящую черноволосую женщину, Нэбиус бледно улыбнулся. Он никогда не рассказывал ей о будущем, которое проникает в его сны. Слишком любил и слишком берег ее от страшной правды. Все всегда было намного хуже, чем она могла себе представлять. В тот вечер, когда Элпи попыталась уничтожить Стеллу, вопреки его просьбе не соваться к волшебнице, она могла умереть... Они оба могли умереть столько раз. Его дар спасал их уже не один десяток раз, показывая, куда ведет путь, на который Нэбиус их выводил. И вот сейчас ситуация складывалась настолько серьезно, что он не мог действовать один.

Ворон на подоконнике каркнул, склоняя голову набок. Ворон, книга заклинаний, тени... Все это - наследие Гингема и Бастинды. Недоставало только серебряных башмачков, которые перешли во владение Элли и бесследно пропали. Бесследно. Что-то не давало ему покоя. Не мог волшебный предмет так просто испариться и исчезнуть. Однако, сколько бы они с сестрой не искали их, найти не получалось даже следа, хотя магия в проклятых туфлях была очень сильной. Шутка ли - защищать своего владельца от чего угодно. Заполучи такую силу Стелла и ее было бы не остановить. Вряд ли ей хватило бы волшебной страны. Амбициозную фею могло бы понести и дальше.

Волшебник тяжело вздохнул, склоняясь над письменным столом и расправляя на столешнице лист бумаги...

Перо со скрипом вывело на бумаге первые два слова, начиная длинное письмо. В конце концов, со всяким случается, что во снах видится чья-то смерть... Но не у всякого эти сны имеют обыкновение сбываться. Мужчина бросил еще один хмурый взгляд на черную птицу на подоконнике. Черные глаза следили за ним так, словно птица понимала что-то. Впрочем, этому он бы не удивился. И птицы и летучие обезьяны были более чем разумны и служили своим хозяевам не только потому, что те владели специальными артефактами. Нет. Вороны служат только тому, кому сами пожелают служить. Слишком свободолюбивые птицы для рабского поклонения.

- Что ты так смотришь? - глухо поинтересовался волшебник, хмурясь и откладывая в

сторону перо, - Я и без тебя знаю, что она не оценит этот жест, если все пойдет по такому сценарию. Но я должен выбирать даже не из двух зол. А из тысячи, - теплый поток искусственно вызванного ветра высушил чернила и Нэбиус сложил лист бумаги вдове. Элпи не оценит. Элпи будет в ярости. Но ей придется принять его выбор. У них обоих нет выбора. Он должен поговорить с тем, с кем в других обстоятельствах не стал бы даже связываться. В конце концов, он впервые мог сказать хоть что-то, касающееся будущего с полной определенностью. И это пугало до дрожи.

Волшебник наклонился над спящей колдуньей, хмурящей во сне брови и едва ощутимо поцеловал в лоб.

Ворон на подоконнике осуждающе каркнул. Несуразная птица будто и впрямь знала больше, чем должен был знать комок перьев. Волшебник бросил на него недовольный взгляд и совсем хотел уже высказать птице свое крайнее недовольство, однако в это мгновение Элпи, словно почувствовала, ухватила его за руку, не открывая глаз, и потянула к себе. Кара ворона отодвинулась на неопределенный срок, впрочем, как и необходимость прятать письмо. Нэбиус позволил повалиться на постель и, глянув на ворона на подоконнике, протянул птице свернутый прямоугольник бумаги.

- Отнеси ему. Он должен знать это, - сопроводив приказ толикой магии, которая должна была привести "гонца" точно к адресату, Нэбиус нахмурился. Птица, будто бы с насмешкой встопорщила перья, а затем, вспорхнув с подоконника, подхватила бумажку своим острым стальным клювом. Вороны точно знают, куда и кому доставлять письма. Элпи получит его предупреждение. Быть может это поможет ей спастись. На ее будущее, почему-то, влиять не выходило никак. Словно она все время оказывалась в слепой для него зоне.

- Как же все сложно... - пробормотал волшебник, обнимая сестру. Та вяло пошевелилась, открывая глаза и всматриваясь сонно в его лицо.

- Что сложно? - поинтересовалась Элпис, однако в ответ получила лишь нежный поцелуй в уголок губ, - Снова не расскажешь, - вздохнула она, пряча лицо у него на груди и с легкой досадой тыкая пальцем под ребра.

- Расскажу, когда придет время.

Время. Сколько еще ему придется скрывать до тех пор, пока не придет время?

Однако этот сон он просто обязан был передать тому, кто в состоянии изменить его...

Нэбиус закрыл глаза, пытаясь изгнать из воспоминаний пугающе яркое видение.

Рваное изумрудное платье покрыто кровью, серые глаза потускнели, бурая лужа на земле стремительно разрастается.

- Не оставляй меня... - хриплый надорванный шепот режет по ушам, словно битое стекло хрустит в полумраке пустой тесной комнаты.

Звать бесполезно. И сколько сильно бы сидящий на полу человек не сжимал в объятиях мертвое тело, она не ответит больше. Никогда.

Темноволосый худощавый мужчина неловко целует мертвую в лоб, с трепетной нежностью закрывая пустые погасшие глаза и, опустив ее на пол, подбирает лежащий рядом окровавленный нож.

- Подожди меня немного, ладно? Я скоро, - хрипло шепчет он и стремительно направляется прочь, пропав в сером тусклом мареве.

- Что я сделал не так? - еле слышно бормочет волшебник себе под нос. Это нужно предотвратить. Это нужно остановить. Нужно понять, где они свернули не туда? Как исправить хотя бы это. Но он не уверен, что сможет справиться с этим сам. Он не уверен

и тело обдает липким страхом. В конце концов, если она погибнет, то он следующий. Обязательно следующий. И вариантов нет. А для того, чтобы это изменить, ему нужна помощь. Помощь девочки из Канзаса. И он намерен сделать все, чтобы избежать трагического и глупого финала, который раз за разом вырисовывается все четче в конце пути.

- Тебе снова приснился кошмар, - Элпис даже не спрашивает. Скорее утверждает. В этом она вся. Всегда знает, что его тревожит. И ради того, чтобы это не менялось, Нэбиус готов на все. В буквальном смысле слова.

Ворон нес письмо. Хозяин однозначно спятил, посылать его к **этому** человеку. Будет чудом, если посыльный вернется живым. В конце концов, арбалетный болт еще никому не добавлял здоровья. Впрочем, перечить волшебнику ворон не собирался, бережно держа в клюве бумажный сверток. Это письмо явно имеет большое значение, если его написали среди ночи и в такой спешке. Наверное, если бы птице было до этого какое-то дело, она прочла бы его. А так, пернатый посланник, направляемый магическим приказом, бесшумно взмахивал крыльями, несясь сквозь ночное небо прочь от фиолетового замка напрямиком к лежащему на границе с землями жевунов маковому полю.